

КОЛОДОВСКАЯ
РУКЪ

Елизавета
Дворецкая

СОЛНЦЕ
ВЕЛЕСА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Разработка серийного оформления
Алексея Дурасова
В оформлении переплета
использована иллюстрация *Алексея Дурасова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Солнце Велеса / Елизавета Дворецкая. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Колдовская Русь).

ISBN 978-5-699-93197-2

За будущее наследство утренского князя Вершислава борются двое его старших сыновей: Лютомер, сын княгини, и Хвалис, сын красивой черноглазой пленницы, до сих пор любимой князем сильнее прочих жен. За спиной Лютомера, оборотня и волхва, силы Нави и «лесное братство», и Хвалис отчаянно ищет поддержку – у себя дома и у князей племени вятичей. Но ценнее всех – его тайный союзник, которого никто не принимает всерьез. Когда Лютомер и его сестра Лютава поймут, какая опасная чародейка скрывается под видом простой челядинки Галицы, будет поздно. Им придется вести нелегкую борьбу за свою жизнь и права – у себя дома, в чужой земле, а еще в таинственных глубинах мира Нави.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93197-2

© Дворецкая Е., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Вершиславоу век, месяць кресень,
среднее течение Угры*

Глава 1

Тонкий серпик новорожденного месяца повис над Волчьим островом, знаменуя начало месяца кресеня. Стая еще не спала. Посреди большой поляны горел костер, отблески пламени падали на зачарованные лица отроков — сидящих на бревнах, полулежащих на земле. Дрожащие отсветы перебегали по лицам, заросшим юношеским пушком, по накидкам из волчьих шкур, и порой казалось, что это оборотни, представляющие то в зверином, то в человеческом облике.

Где было всего светлее, сидела единственная среди трех десятков парней девушка. Она тоже была закутана в волчью накидку и напевно рассказывала, глядя в синее ночное небо:

— ...Сковал Сварог-Отец двенадцать царств, двенадцать престолов, и отдал их сыну своему любимому, Дажьбогу, во владение. Стал Дажьбог жить-поживать в тереме своем золотом, а в том тереме три окошечка: в одном оконце — светло солнышко, в другом оконце — светел месяц, а в третьем — ясны звездочки. Подобрал Сварог искорки, что из горна его летели, и сделал из них двенадцать дев, чтобы служили сыну его Дажьбогу, златые кудри ему чесали, по утрам умываться подавали, вечером коня его золотого принимали и в стойло ставили. И была среди них краше всех одна — Заря-Зареница, солнцева сестрица. Поутру выводила она коня золотого, подавала брату своему Дажьбогу; вставал он в стремя и в путь свой

дневной отправлялся. А Заря-Зареница в тереме прибирает, перину пуховую взбивает, братца дорогого поджидает. А как окончит Дажьбог свой путь дневной, принимает у него коня Заря-Зареница, отдает сестрам. И когда встречает Дажьбог сестру свою Зарю, пожимает он ей руки белые, целует в уста медовые, и оттого румянец ее по всему небокраю разливается. Ведет она Дажьбога в терем золотой, кладет на постель пуховую, поет ему песни колыбельные...

Лютомер сидел на земле, привалившись плечом к коленям сестры и положив на них голову. Не прерывая речи, Лютава поглаживала его по длинным русым волосам, перебирала густые пряди, падавшие на мех волчьей накидки. С продолговатым лицом без румянца, с глубоко посаженными серыми глазами, он был ничуть не похож на златокудрого Дажьбога, но Лютава, увлеченная собственным повествованием, невольно видела своего брата, идущим по небокраю, среди алого сияния заката, с белым конем в поводу. И себя — выходящей ему навстречу, соскучившейся за длинный день разлуки.

— Наступало то время, когда Заре-Заренице особенно долго приходится скучать: в месяц кресень самые долгие дни. А придет Купала — Дажьбог едва успеет присесть передохнуть, как вновь выходить ему из терема, вступать в золотое стремя.

Вот сидела однажды Заря-Зареница, солнцева сестрица, у реки студенной, на престоле золотом, пряла нитку шелковую, мотала на веретенце серебряное. Увидал ее Велес — Тур Золотые Рога: сидит девица, руки по колено в золоте, ноги по колено в золоте, а коса-красота вся цветами увита. Прислал он к ней сватов — синцов да игрецов. Отвечает она им: ой вы, сватушки, вы спросили бы меня, чьего я роду, чьего племени? А я-то роду ни большого, ни малого: мне братец — Красно Солнышко, мои сестры — ясны зореньки, мои братья — буйны ветрушки. Вынула она

тут три золотых яблока да подбросила: кто поймает, говорит, тому я сама достанусь. Кинулись сваты ловить яблоки, да как ударили с неба три молнии, разбили сватов в прах...

Ночное небо было чистым, из глубин синевы глядели звезды — будто тоже слушали. Светила небесные были давними друзьями Лютавы. Их с Лютомером мать, княгиня Велезора, выросла на Числомерь-горе и с юности обучалась искусству следить ход Луны и звезд. Из поколения в поколение ее предки хранили и передавали тайны небесных странников — Косарей, Волосынь, Вожа, Волчьей звезды, — умели определять наступление времен года, праздников, делать предсказания, читать на синем полотне волю сестриц-Рожаниц. И туда же они отправлялись, пройдя до конца свой путь по земле. Глядя на звезды, Лютава каждый раз невольно вспоминала их: свою бабушку по матери — Миролладу, старшую жрицу святилища Числомерь-гора. Та умерла, когда Лютаве было два года, и она видела бабушку всего один раз. Вадимиру — ее мать, княгиню жиздран, которую Лютава знала только по рассказам своей матери. Потом мать Вадимиры — Вратиславу...

— Пришли к Заре-Заренице ее сестры, красны девушки, стали круги водить, песни петь, игры играть. Вдруг видят: несется к ним сам Тур Золотые Рога. Испугались они, бежать пустились. Бежали они, бежали, одиннадцать царств небесных пробежали. Закричали: батюшка наш, Свароже, помоги, спаси нас! Пожалел их Сварог, сбросил с неба радугу-дугу. Побежали зареницы по радуге, забежали на двенадцатое небо. А как спуститься, и не знают. Там и водят они теперь коло, поют песни тихие:

В одном оконце ясно солнышко,
В другом оконце — светел месяц,
В третьем оконце — ясны звездочки.

В зимнюю пору года Лютава любила смотреть на Велесозори — будто надеялась разглядеть и свою мать в том сияющем коло. Но уже миновало время, когда они видны: в летнюю половину года, когда над земным миром властвуют светлые боги, Велес загоняет своих овечек на подземные луга.

— Зовут их ныне Велесозори — Зори Велесовы. Другое им имя — Семизвездочки, потому что там семь вил-звезд. А другие толкуют, будто имя им Велесояри — овечки Велесовы, и что сам Велес, Пастух Небесный, всякую ночь их пасет, а под утро в подземье загоняет.

У Лютавы был красивый голос: сильный, звучный, выразительный. Рассказывая, она будто расстилала перед слушателями шелковые полотна — темно-синие, золотисто-желтые, ягодно-красные. Ее голос то плыл тихо, как глубинное течение у дна реки, то возносился птицей в голубизну Занебесья, открывая ворота в любой из неведомых миров.

Вдруг Лютомер поднял голову. Ноздри его дрогнули, лицо изменилось, и Лютава отдернула руку: он уловил некий зов... тревожное движение в Нави.

— Что такое? — шепнула она.

Лютомер вскочил во весь свой рост и поднял голову к небу, прислушиваясь. Побратимы-бойники следили за ним, едва дыша. Он стоял с закрытыми глазами, звездный свет падал на его лицо, и теперь он был вылитый Небесный Пастух: в этом свете его русые волосы казались седыми, одного цвета с мехом волчьей накидки. Рослый, широкоплечий, он напоминал стрелу на тетиве: миг — и сорвется в погоню.

Но нет: он опустил голову, расслабился, открыл глаза.

— Что-то засиделись мы, — сказал он, и бойники зашевелились, стали подниматься. — Расходись.

Лютава встала. Лютомер взял ее за руку — она жила на другой стороне Волчьего острова, и он должен

был проводить ее. Огибавшая Остров тропка была им так хорошо знакома, что они легко находили ее и в полной темноте. Лунный свет серебрил их волчьи накидки; неслышно шагая во тьме, оба высокие, худощавые, они были как ночное отражение тех брата и сестры из сказания, Дажьбога и Зари-Зареницы — полночные светила Велесова подземного неба.

* * *

Не только бойники с Волчьего острова засиделись в этот вечер. Приближался Ярила Сильный — второй срок чествования молодого весеннего бога, открывающий долгие гулянья — до самой Купалы. Но своих лесных побратимов Лютомер — Белый Князь Волков и вожак «волчьего братства» — впервые выпустит на гулянья только после того, как белый конь пройдет по полям, а пока что девушки Ратиславля и округи гуляли одни. Водили коло на Ярилиной плеси на высоком берегу Угры, пели про деву, которая просила молодого перевозчика переправить ее через реку:

А я тебя перевезу —
Замуж за себя возьму..

Дрозду, шестнадцатилетнему отроку из княжьей челяди, взять жену не светило. А будучи не особо-то хорош собой — с широким носом на продолговатом лице с впалыми щеками и выпуклыми скулами, — он и на гулянках не надеялся на удачу. На холопов, да еще и собой непригляных, ни девки, ни молодухи не смотрят. Сидя в тени ветвей на опушки рощи, он лишь смотрел, как ходят в кругу стройные девичьи фигуры в белых сорочках и вздевалках с красными поясками, как колышутся длинные косы, вздымаются и опускаются руки.

Вдруг кто-то опустился рядом с ним на траву.

— Что невесел, головушку повесил? — насмешливо спросил женский голос.

Дрозд обернулся. Рядом устроилась Галица — молодая челядинка, жившая с ним на одном дворе. Одета она была в поневу, когда-то синюю, но вылинявшую почти до серого, поверх сорочки из небеленого льна, голову покрывал платок, повязанный «кукушкой», как носят вдовы. С вдовой срядой не слишком вязалось задорно-вызывающее выражение лица, но грустной Галицу никто никогда не видел.

— Чего грустишь, теряешься? — Галица подмигнула и шутливо подтолкнула Дрозда в плечо. — Пока волки из лесу не вышли, все белые лебедушки, резвые овечки — твои.

— Да ну тебя. — Дрозд уныло отвернулся. — Взглянут они на меня, как же...

— А чего же нет? Хочешь, я на тебя взгляну?

Дрозд ответил ей недоверчивым взглядом, но в ее глазах играла насмешка, призыв, обещание... Года на три его старше, Галица была совсем недурна собой. Дородством не отличалась — не с чего было тела нагулять, — но и теперь, пару лет прожив замужем и овдовев, сохранила девичий гибкий стан и высокую грудь: многие мужики оглядывались, когда она проходила мимо. Большие, изжелта-серые, как у собаки, глаза весело блестели, немного вздернутый нос придавал ей лукавый вид. Лишь улыбку широкого рта немного портил выступающий верхний клык с правой стороны, особенно белый и выдвинутый вперед из ряда. Из-за этого клыка ее бранили в Ратиславле упырицей, но она никогда не обижалась, а только улыбалась всякому. Однако, несмотря на это показное дружелюбие и всегдашнюю готовность поболтать и выслушать, в Ратиславле ее не любили: женщины сторонились, да и мужчины, заглядевшись было, потом отворачивались и сплевывали на всякий случай.

Непонятно было, отчего ее не привечают: ведь не чужая, родилась и выросла здесь, в Ратиславле, на княжьем дворе. Может, оттого, что Галица, как прежде ее мать, была особенно дружна со своей хозяйкой, хвалиской Замилей — младшей женой князя Вершины, а Замилю и двадцать лет спустя считали чужачкой и недолюбливали. Бабы болтали, что Галица «несчастливая», даже избегали что-то брать у нее из рук, боясь заразиться несчастьем — хотя тоже с чего бы? На всякую работу была Галица ловка, проворна... а что овдовела, трех лет замужем не прожив, так это со всякими бабами случается.

— Мне тоже выжидать нечего: на Ярилины дни парни молодые за девками бегают, на вдовушку не глянут, а молодцы и глянули бы — да жены глаза повыдерут! — засмеялась Галица, подталкивая Дрозда плечом, будто пытаюсь разбудить. — Ну да мы их ждать не будем — свое коло заведем. Что? Или я нехороша тебе?

Она откинулась назад, опираясь о подставленную руку, так что ее высокая грудь выпятилась под сероватым небеленым льном сорочки. У Дрозда потемнело в глазах, стало жарко, несмотря на прохладу весеннего вечера.

А Галица вдруг подалась к нему, обвила руками шею и жарко поцеловала онемевшего от изумления парня.

— Пойдем! — Она встала и потянула его за собой. — Отойдем, чтоб не увидел никто, а то Замиля раскричится. Я хорошее место знаю — там покойно...

И Дрозд, не чуя земли под ногами и не веря в такое счастье, пошел за ней в гуцу темнеющей рощи.

Идти пришлось порядком: уже не раз попадались укромные полянки, да и кто бы стал искать их тут, вдали от жилья, на самом пороге ночи? Галица порой останавливалась, снова обнимала парня, прижимаясь к нему молодым стройным телом, награждала поцелуями, а потом, смеясь, тащила за собой. Оборачива-

лась и подмигивала, будто собиралась открыть великую тайну, никому, кроме нее, неведомую.

У Дрозда кругом шла голова. Они жили на одном дворе — в клетке Замилиной избы, — и делили работу по хозяйству, но по-настоящему он Галицы не знал. Она вышла замуж, когда он едва дорос до отрока, и перебралась из Ратиславля на Просимово займище. А вернулась минувшей осенью, перед Марениными днями. За зиму она лишь мимолетно улыбалась ему, порой бросала несколько слов. Но то, что она готова взглянуть на него как на мужчину, для Дрозда было новостью.

Было уже темно, и он почти не видел, куда идет, когда Галица наконец остановилась. Сбросила с головы вдовый платок и повой, сорвала оплетки — и длинные светлые волосы, будто лунный свет, упали и окутали ее до пояса. У Дрозда перехватило дух — бабы никогда волос не показывают, а она их, выходит, и не обрезала, как овдовела. Потом она развязала пояс, сбросила поневу, затем сорочку. Смеясь, обняла онемевшего парня и потянула на мох. Рядом влажно блестела вода в яме размером с быка...

Обессиленный, Дрозд лежал на траве, стараясь отдышаться. Руки Галицы ласково скользили по его волосам, лицу, плечам. Вот ее пальцы целиком погрузились в пряди надо лбом и сильно сжали... Пока левая ее рука ласкала полного истомы парня, правая скользнула под корягу возле его головы...

Дрозд даже не успел открыть глаза. А если бы успел, то едва ли разглядел бы в темноте, как в руке Галицы оказался длинный, чуть изогнутый нож с костяной рукоятью. Поднимая ресницы, он едва различил быстрый тусклый проблеск перед лицом. А потом остро отточенное лезвие скользнуло по его горлу, и мощная струя горячей крови рванулась из перерезанной гривной жилы, заливая руки и грудь женщины...

Галица встала на колени и с силой оттянула голову Дрозда назад, побуждая кровь литься сильнее.

Вытянула руки над широкой черной лужей, едва блестящей под светом лунного серпа. Дух ее выскочил через «навье окно» и взмыл над поляной невидимой темной птицей.

— Идите ко мне... — позвала она, и голос ее понесся по темным тропам Нави, будто волна от упавшего в воду камня. — Идите ко мне, духи Ильганова рода! Все мои деды, и братья их, и двоюродные братья, и бабки, и сестры бабок! Вам я отдаю эту горячую кровь! Пейте ее, насыщайтесь! Становитесь сильнее! И придите на зов мой, когда я вас позову, чтобы сотворили мы нашу месть! Я, Наруте, дочь Даугали, дочери Кинтауты и Наруни — я отдаю вам этого кривеса и обещаю отдать еще не одного! Я отдам вам всех — всех потомков Братомера, сына Ратислава, что погубил вас! Я заставлю брата убивать братьев, сестру задушить детей сестры! Я буду разжигать вражду между ними, пока они не погубят друг друга, как погубили вас, род Ильгана! Возьмите эту кровь и будьте готовы помочь мне, когда я позову.

Пока она говорила, вокруг сгущался свист и вой; казалось, множество черных птиц кружит над темной поляной и крылья их заслонили свет звезд. В ее заклинающий голос всплетались крики духов-велсов; в них слышался гнев, жадность, ликование.

— Мы здесь, мы здесь! Я, Дуагаля, твоя мать! Я Кинтаут, твой дед! Я, Наруня, твоя бабка! Я, Мангирд, брат твоего деда...

— Пейте эту кровь! — Обнаженная женщина вскочила и встала над телом, простирая в черноту окровавленные руки. — Пейте, пока не остыла! И летите, напоенные силой! Летите к Ратиславилю! Душите их! Клюйте их очи! Пейте кровь их сердец!

Одна за одной черные птицы падали на тело Дрозда, садились на грудь, припадали к огромной кровавой ране на горле. Потом взмывали и в шуме крыльев уносились прочь...

* * *

Лютомер первым шел по тропе, а Лютава за ним, стараясь ступать точно в след — как ходят волки, из-за чего только опытный ловец может определить, один зверь тут прошел или больше. В темноте она почти не видела тропы, но за многие годы они так сжились с братом, что она чувствовала каждое его движение и ощущала следы, как будто он оставлял в них рдеющие искры. Лютава забавлялась этим, как игрой, и за те лет шестнадцать, что она ходила на своих ногах, эта игра ей не наскучила.

Вдруг Лютомер остановился, и Лютава замерла в шаге позади него. Он к чему-то прислушивался. Она тоже прислушалась: тишина. Просто тишина повисла над Волчьим островом, даже ночные птицы умолкли.

И вдруг брат потянул ее наружу. Это у них тоже получалось, как будто они двое были одно: выходя в свое «навье окно», Лютомер мог тем же порывом позвать ее за собой. И тут...

Резкий свист и вой оглушили Лютаву. Она невольно присела, закрывая голову руками; одновременно Лютомер толкнул ее с тропы и прижал к березе, прикрывая собой. Ей требовалось несколько мгновений, чтобы выйти и подготовиться, и он дал ей их.

Лес осветился; это был тот же лес, та же тропа, которую она изучила за шесть лет так хорошо, что могла хоть с каждым деревом здороваться. И по незримой тропе прямо на нее неслись черные птицы с человеческими лицами — нави. Распахнутые в крике рты их были перепачканы в крови, и дух свежей крови ударил в чуткие ноздри Лютавы, будто чужой кулак.

А впереди нее снизу вверх прынула белая молния — Князь Волков, ее брат в своем навном облике. Прямо в полете он ухватил зубами первую из птиц, перекусил, бросил под ноги и устремился к следующей.

Черная птица пала на Лютаву сверху; та извернулась и щелкнула зубами, но промахнулась и лишь вырвала два-три жестких пера. Но и птица сорвалась с полета, резко снизилась, и в новом прыжке Лютава достала ее. Стиснула челюсти, чувствуя, как хрустят кости шеи, дернула, отрывая голову, отбросила черную тушку.

Еще две птицы напали на нее одновременно; пронзительные крики оглушали, железные когти вытянутых вперед лап целились в глаза. Лютава отпрыгнула, ударила ловкой волчьей лапой и сбила противницу наземь; потом прыгнула на другую, ухватила зубами за крыло. Сильная птичья лапа ударила по морде волчицы; Лютава не ощутила боли, лишь почувствовала, как потекла по шерсти на груди ее же кровь. Бросив птицу наземь, тут же наступила на нее и перекусила пополам.

Подняла голову, ожидая нового нападения. Но было тихо. Белый волк стоял перед ней, вокруг него валялись черные тушки, похожие на комки перьев. Их было... Лютава не смогла сразу сосчитать части разодранных птиц — головы, крылья, ноги. Да и что за важность?

Белый волк подошел к ней, нежно лизнул окровавленную морду. Потом положил голову ей на спину и мягко потянул обратно...

Лютава очнулась, полулежа на земле под березой. Лютомер стоял на коленях, обнимая ее вместе с березой и прижимая к стволу. Отстранился, перевел дух. Лютава подняла руку, пошевелила пальцами. После возвращения «в себя» бывает такое ощущение, будто отсидел все тело. Кровь побежала быстрее, вернулась чувствительность. Лютава схватилась за лицо. Так и есть: в левом углу рта нижняя губа порвана, кровь сохнет на подбородке.

— Что это было? — проговорила она.

Губа болела.